

А.В. Гордон

**КИТАЙ ПРИ СИ ЦЗИНЬПИНЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук,
заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН.

Си Цзиньпин стал генеральным секретарем ЦК КПК и Председателем КНР после XVIII съезда КПК (ноябрь 2012 г.). С приходом нового руководства в стране и за ее пределами связывали большие ожидания. Феноменальный рост экономики, который вывел Китай на второе место в мире по объему ВВП, начал давать сбои. Резко возросло социальное неравенство; коррупция, затронувшая не только местные эшелоны власти, но и центральные ведомства, армию, силовые структуры, подрывала доверие к правящей партии; с 2000-х годов страна переживает серьезный экологический кризис.

Си Цзиньпин своей яркой личностью, административным опытом и биографией олицетворял решимость партийно-государственной элиты справиться с возникшими проблемами и вывести страну на новый уровень развития, не изменяя руководящей роли КПК в обществе и идеалам «социализма с китайской спецификой».

Он пришел к руководству с лозунгом «всестороннего углубления и ускорения реформ», и этот курс воплотился через год в материалах 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.). Пленум принял «Постановление ЦК КПК по некоторым важным вопросам всестороннего углубления реформ», программный документ развития страны на новом историческом этапе. Состоявшее из 60 пунктов, оно было беспрецедентным по широте и масштабности замыслов и детальной их проработанности, охватывая, как подчеркивалось в официальном комментарии, 15 сфер жизни китайского общества, формулируя 55 задач и намечая 300 различных мероприятий [1].

Провозглашались цели «построения общества среднезажиточного благосостояния», создания «могучего, демократического, цивилизованного, гармоничного модернизированного социалистического государства» и в конечном

итоге – «осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации». Основной упор при этом делался на радикальную перестройку экономической системы, которая должна была стать «локомотивом» реформирования других сфер.

Предусматривалось, что рынок будет играть «решающую роль в распределении ресурсов». Важным нововведением должно было стать смягчение государственной монополии в финансово-банковской сфере: частному капиталу разрешалось создавать средние и мелкие банки.

Расширение сферы действия рыночных механизмов объяснялось в духе установок Дэн Сяопина: страна будет еще «долгое время находиться на начальной стадии построения социализма, и потому развитие по-прежнему является ключом к решению всех проблем Китая».

Предусматривалась также демократизация политической системы. Торжественно провозглашалось: «Народ должен контролировать власть, а власть – действовать открыто». Требовалось «посадить власть в клетку институтов», что предполагало формирование механизмов «сдерживания и контроля за властью». Декларировалось также создание правового государства, ускоренное строительство «справедливой, эффективной и авторитетной социалистической правовой системы», «защита прав и интересов народа».

Отдельно говорилось, что «государство уважает и гарантирует права человека», «постепенно» сократится количество статей уголовного кодекса, предусматривающих смертную казнь, и будет отменен «режим трудового перевоспитания», иначе говоря, упразднена процветавшая со времени образования КНР система принудительно-исправительных работ.

Можно сказать, что принятая в конце 2013 г. программа реформ явилась для руководства КПК следствием уже имевшегося опыта. Необходимость нового этапа структурных преобразований подчеркивалась предшественниками Си, трезво оценивавшими нарастание серьезных проблем, в том числе в экономической сфере. Еще в 2007 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао характеризовал китайскую экономику как «нестабильную, несбалансированную, дезинтегрированную и неустойчивую». Руководители страны отдают себе отчет в том, что современные трудности носят не конъюнктурно-циклический, а системный характер. Китай достиг того уровня развития, на котором произошел резкий спад в экономическом росте других стран Восточной Азии, поражавших мир феноменальными темпами (Япония, Южная Корея).

Исключительно благоприятные условия для подъема Китая возникли благодаря тому, что широкое применение капиталов и технологий развитых стран сочеталось в ходе реформ с использованием демографических ресурсов, изобилие и дешевизна которых характерны для развивающихся стран. Теперь эффективность технологических дивидендов «догоняющего разви-

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

тия» снижается (Китай уже не может просто заимствовать технологию развитых экономик, он должен преуспеть в собственных инновациях), а демографическая нагрузка, как и давление всей социальной сферы на экономическое развитие, возрастает.

«Ни одна из реформировавшихся социалистических экономик не имела таких идеальных условий для капиталистической трансформации, как Китай», – обобщает директор Центра китайских исследований Мичиганского университета Мэри Галлахер. Китай стал *мастерской мира* благодаря тому, что его фабрики «выжимали колоссальный прибавочный продукт из деревни» в виде труда мигрантов. «Их жизненные потребности были минимальными», зато их стремление улучшить условия жизни – «безграничным». Эта энергетика огромной человеческой массы и реализовалась в экономическом рывке Китая [14, с. 81–82].

Как обстоит дело сейчас? К 2010 г. численность сельских мигрантов превысила 220 млн. В настоящее время пройдена и отметка в 260 млн¹. Очевидно, это уже близко к демографическому пределу. Потенциал аграрного перенаселения исчерпан, приток дешевой рабочей силы снижается, рынок труда сужается. А это чревато не только экономическими, но и социальными последствиями.

Столкнувшись в начале реформ с актами массового возмущения увольняемых с государственных предприятий рабочих и служащих, КПК достигла успеха в демонтаже государственно-административной системы трудовых отношений, когда работники были прикреплены к предприятиям, от которых зависело жилье, пропитание и все социальное обеспечение (радикальная версия японского «пожизненного найма»). Этот успех в переходе к капиталистическому рынку труда был достигнут в немалой мере благодаря стремительному преуспеянию контингента профессиональных рабочих и специалистов за счет дискриминации низкоквалифицированного труда мигрантов.

Однако пассивности мигрантов приходит конец. Специалисты считают поворотной точкой для всего рабочего движения в Китае забастовку весной 2010 г. на заводе «Хонда» в провинции Гуандун, приведшую к остановке всех китайских предприятий фирмы и к цепной реакции стачек по всей стране. В промышленности наиболее развитых приморских провинций уже ощущается нехватка неквалифицированной рабочей силы. Как следствие с середины 2000-х годов зарплата мигрантов стала расти на 10% ежегодно и к 2012 г. в реальном исчислении в 2,5 раза превысила уровень 2003 г. Так Китай

1. «Chinese Migrant Workers Exceed 260 Million by 2012», *Xinhua News Agency*, May 23, 2013. – http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-05/27/c_132411765.htm (accessed August 1, 2013).

достиг важного поворотного пункта, который экономисты назвали «конец дешевого Китая» [19, с. 21].

Китай утратил сейчас важнейший «демографический дивиденд», когда трудоспособное население росло быстрее, чем население страны в целом. Ныне рост численности трудоспособного населения прекратился. Вслед за снижением его доли в общей численности народонаселения оно начало снижаться и в абсолютных цифрах. Уже в 2013 г. численность трудоспособного населения сократилась на 3 млн 450 тыс. человек [1]. Если в Японии между высшей точкой экономического роста и снижением численности трудоспособного населения прошло 25 лет, в Южной Корее – 15, в Китае эти исторические моменты совпали. С отягчающими последствиями и для продолжения экономического роста, и для функционирования системы социального обеспечения [19, с. 22].

Политика ограничения рождаемости («одна семья – один ребенок») способствовала феноменальному подъему Китая благодаря высокому удельному весу трудоспособного населения. После 30 лет реформ она обернулась превышением доли пожилых. К 2030 г. их доля составит 20%, больше чем в США или России (19%), в то время как в Индии 8%, во Вьетнаме 12% [19, с. 27]. По возрастной структуре населения Китай вышел на уровень развитых стран; однако, утратив демографические преимущества развивающихся обществ, он далеко не достиг уровня материального благосостояния развитых. Коротко ситуацию резюмирует афоризм: «Китай стал стареть, прежде чем стал богатым».

Неблагоприятной особенностью демографической динамики оказалась гендерная диспропорция. Политика «одного ребенка» при сохранении патриархальных традиций, а главное из-за длительного отсутствия государственной системы социального обеспечения в сельской местности стимулировала умерщвление девочек. Если в 1980 г. соотношение новорожденных мальчиков и девочек было 108 к 100, то в 1990-х дошло до 120 к 100. Причем в сельской местности эта динамика стала еще более критической, дойдя до 123 к 100, что, по некоторым подсчетам, сулит одиночество 38 млн юношам [9, с. 30].

Средства массовой информации КНР обоснованно бьют тревогу. Дефицит невест вызвал рост цен на брачные отношения, что обостряет социальное расслоение, обрекая потенциальных женихов из малоимущих семей, которые преобладают в деревнях Центрального и Западного Китая, на холостяцкий образ жизни. Нехватка женщин особенно тяжело сказывается на структуре и моральном климате у сельской семьи, в конечном счете – на ее устойчивости. Утверждается поколенная структура 2–2–1, когда единственному наследнику придется заботиться о двух представителях старшего и двух – среднего поколения семьи.

Нередко основная нагрузка падает на дочерей или невесток, которые тоже вслед за мужчинами отправляются на поиск лучшей доли в города. Между тем депопуляция деревни и деградация этого традиционного института китайского общества, помимо социальных последствий, подрывают всю аграрную сферу Китая, в которой преобладают крестьянские хозяйства семейного типа.

В целом, как замечают специалисты, демографические тенденции уже в ближайшие пять лет окажутся серьезным фактором замедления роста, а в социальной сфере их дестабилизирующий эффект будет нарастать по мере замедления роста. Реагируя на неблагоприятные тенденции, ноябрьский пленум ЦК 2013 г. наметил послабления в регулировании рождаемости, однако сложившийся в ходе реформ демографический механизм эти меры вряд ли смогут остановить. Более того, поступательная урбанизация (она также предусматривается документами пленума), стимулирующая миграцию в города, будет способствовать дальнейшей социальной деградации деревни.

Прямым негативным следствием экономического рывка сделалось разрушение природной среды. Предельная интенсивность использования ресурсов породила глубокий и непреходящий экологический кризис. Потребление энергии неуклонно растет – вопреки заданиям пятилетних планов о его снижении оно выросло за 2000–2010 гг. на 130%; и при этом 70% энергопотребления обеспечивается использованием каменного угля. Кроме катастроф на шахтах, оборотной стороной угольного «уклона» сделалось засорение воздушного пространства углекислотой и другими вредными примесями. Бурная автомобилизация последних 10–15 лет дополняет неблагоприятную картину, резко ухудшая условия жизни горожан. По данным международных обследований 500 крупнейших китайских городов, лишь несколько из них удовлетворяют нормам ВОЗ по качеству воздуха [11, с. 185–186].

Еще, может быть, хуже ситуация с водными ресурсами. Нет природного ресурса, дефицит которого внушал бы большую тревогу китайским властям и нес бы большую угрозу перспективам дальнейшего экономического подъема, чем вода. Не менее десяти провинций страдают от ее дефицита, а эти провинции дают 45% ВВП, 40% продукции сельского хозяйства и более половины промышленной продукции. По данным Геологической службы Китая, более четверти стоков основных речных систем страны непригодны даже для промышленного или сельскохозяйственного пользования [11, с. 186].

Исключительных размеров достигла деградация почвы. Традиционная житница Китая лёссовое плато в настоящее время не имеет равных в мире по степени почвенной эрозии. В связи с неумеренным применением минеральных удобрений и химических средств защиты растений интенсивно происходит загрязнение почвы и подпочвенных вод солями тяжелых металлов и диоксидами. Следствием стало появление «раковых деревень», где уровень

онкологической заболеваемости в десятки раз превышает общекитайские показатели².

В программах документах 2013 г. провозглашен курс на формирование в Китае «экологической цивилизации» в грандиозной перспективе создания «прекрасного Китая». Несомненно, это перспектива на долгие годы и даже десятилетия [20]. Пекин присоединился к международной программе борьбы с глобальным изменением климата. Личное участие Си Цзиньпина во Всемирном форуме по климату в Париже в декабре 2015 г. сделалось заметным событием, способствовав успеху его работы и укреплению авторитета китайского лидера. Между тем экологическая ситуация в самом Китае остается крайне неблагоприятной и ждет радикальных системных решений.

Среди издержек десятилетий бурного роста китайской экономики все более ощутимая неустойчивость финансовой системы. Предельно нарастив в 2008–2012 гг. инвестиции, Китай не только добился высших темпов прироста ВВП, но и попал в финансовую западню. Обратной стороной оказалось изобилие убыточных проектов, которые бесконечно мультиплицированы местными властями. Последние, откликаясь на призывы центральных властей о наращивании темпов роста, набрали множество кредитов, с выплатой которых они не в состоянии справиться. По совокупности долги местных властей превышают 1,6 трлн долл., а общая государственная отягощенность «плохими долгами» достигает, по оценкам, 25% ВВП [19, с. 21].

В материалах ноябрьского пленума 2013 г. признается, что проблемы «соразмерения финансовых ресурсов с полномочиями центра и мест» сохраняются и эта ситуация не способствует созданию сбалансированной финансовой системы. Однако, как показали дальнейшие события, проявлялся неоправданный оптимизм: «В настоящее время риски, связанные с долгами местных правительств, находятся под контролем». Правда этому несколько противоречила следующая фраза: «Мы продолжим принимать эффективные меры с целью дальнейшего усиления контроля над долгами местных правительств».

Нестабильность финансово-банковской системы Китая с очевидностью продемонстрировала вызвавшее панику среди инвесторов падение курсов ценных бумаг на биржах Китая летом 2015 г. и повторно в январе 2016 г. Вместе с лихорадочными усилиями регулирующих органов разрядить ситуацию обвалы на финансовом рынке серьезно подорвали престиж национальной экономической системы, задели косвенно репутацию государственного руководства в стране и за ее пределами.

2. Лю, географ из университета Центрального Миссури (США), сообщил в 2010 г. о 459 установленных им «ракковых деревьях», в части которых онкологическая заболеваемость в 30 раз превышала среднекитайский уровень [11, с. 187].

Фактором понижающей тенденции остается наращивание инвестиций при резком падении их эффективности. Подсчитано, что вложения в экономику Китая дают сейчас на 40% меньше отдачи для роста ВВП, чем десятилетием раньше, притом что прямые инвестиции обеспечивают в стране почти половину роста ВВП [19, с. 21].

Финансовые риски определенно сохраняются; и, как ни парадоксально, стремление стабилизировать экономическую систему усугубляет положение, поскольку регуляторы вместо реструктурирования убыточных предприятий побуждают государственные банки для их спасения от банкротства наращивать необеспеченные кредиты. Погашая долговременную задолженность краткосрочными субсидиями, власти вкладывают средства в проекты, не сулящие отдачи, и в заведомо убыточные корпорации.

Так возникает огромный сектор «фирм-зомби», «полумертвых-полуживых», что, отмечает профессор экономики Китая Калифорнийского университета (Сан-Диего) Барри Ноутон, порождает не только риск финансовой паники, но и экономической стагнации. Нечто подобное было в Японии: там тоже после феноменального роста в 1970–1980-х годах и под влиянием инерции роста длительное время избегали реструктурирования убыточных корпораций, и это обернулось целым «потерянным десятилетием», как назвали 1990-е годы сами японцы [19, с. 21].

С ростом доходов широких слоев населения стремление к рыночным реформам ослабло, а очевидная неспособность предшественников Си Цзиньпина к их продолжению, хотя официальная пропаганда постоянно «вбрасывала» сообщения о новых грандиозных планах, породила кризис доверия в способность КПК к переменам. Даже когда с приходом к руководству Си Цзиньпина – Ли Кэцзяна были сделаны решительные заявления о возобновлении рыночных реформ и осуждена «пустая болтовня» прежних лет, скептицизм в отношении политики реформ сохраняется. «Это правда? – говорят в народе. – Мы поверим в них, когда увидим» [19, с. 18].

Поэтому программные документы пленума 2013 г. могут восприниматься как заклинание: «Если поддерживать твердую веру в реформы, с еще большей политической смелостью и мудростью принимать более действенные меры и способы продвижения реформ, Китай непременно сможет добиться решающих успехов в области реформирования важнейших сфер и ключевых звеньев» [1].

В сущности, программа реформ нынешнего руководства КНР оставила неразрешимые противоречия. В экономике провозглашались создание «открытой системы», усиление роли рыночных механизмов и позиций частного капитала, а в культуре – консолидация «системы основных ценностей социализма». Предполагалось совершенствование механизмов контроля за властью, но сами механизмы оставались в руках власти. Высшее достижение

политической мысли КПК эпохи реформ «консультативная демократия» подразумевала лишь совещательную функцию общественного волеизъявления: «Под руководством Компартии Китая общество широко обсуждает важные вопросы социально-экономического развития страны и проблемы, касающиеся основных интересов народных масс». Установки на «строительство политической системы социалистической демократии» и «создание правового государства», защищающего «права человека», формально не противореча друг другу, были почерпнуты из диаметрально различных политических лексиконов.

Запрограммированное продвижение КНР по пути реформ за прошедшее с ноябрьского пленума 2013 г. время ощущается слабо, зато заметными сделались социально-психологические последствия торможения экономического роста. Китай в предшествовавшие десятилетия развивался столь стремительно, что рядовому жителю Поднебесной будущее виделось полным различных возможностей. Но на уровне бытовой повседневности подобные ожидания слабеют, возрастает тревога.

В сфере массового сознания происходили серьезные сдвиги. В начале XX в. в Поднебесной говорили: «Только капитализм может спасти Китай», после прихода коммунистов к власти – «только социализм может спасти Китай», с распадом Советского Союза и крушением коммунизма в Восточной Европе – «только Китай может спасти социализм», а в последнее время, особенно после мирового финансового кризиса 2008 г. – «только Китай может спасти капитализм» [10, с. 2].

Феноменальный рост ВВП отразился в феноменальном же наращивании экономической мощи государства. Резко сокращавшиеся с демонтажем командно-административной экономики бюджетные поступления стали столь же стремительно расти по мере того, как рыночная экономическая система утвердилась в Китае. За 1995–2012 гг. эти поступления выросли в 15 раз, от 113 млрд до 1,86 трлн долл., составив 22,6% ВВП (вместо 10,8% в 1995 г.). Государство, которое еще недавно не справлялось с самыми насущными потребностями, буквально «купается в деньгах». Такой бюджет позволял наращивать инвестиции, справляться с социальным протестом, а на международной арене вынашивать амбициозные планы.

За прошедшие три с лишним года пребывания у власти во внутривнутриполитической ситуации Си Цзиньпин проявил себя в полной мере лишь на фронте борьбы с коррупцией. Сотни тысяч чиновников разного уровня, включая несколько знаковых фигур из высших сфер, были затронуты партийными расследованиями и уголовными преследованиями. Несомненно, это способствовало росту авторитета нового лидера в обществе, однако вряд ли подобные действия могли получить безоговорочное одобрение партийных и государственных кадров. К тому же Си Цзиньпин своей харизмой явно подрывал

сложившийся в ходе реформ принцип коллективного руководства. Отвечая общественной потребности в сильном решительном лидере страны, он обрел политический и моральный статус, которого не было ни у одного из предшественников после Дэн Сяопина.

Новый лидер Китая должен был оправдывать эти ожидания. Огромные финансовые ресурсы, в том числе выраженные в иностранной валюте, с одной стороны, настроение общественного мнения в пользу обретения Китаем статуса мировой державы – с другой, подсказали китайскому руководству перенос центра активности в сферу международной деятельности. Си решительно отошел от установки родоначальника китайских реформ «держаться в тени» на международной арене.

«Китай – это “пробуждающийся лев” при руководителе, который сосредоточил власть в своих руках и верит в возрождение национального величия Китая». Он «гордится своей твердой позицией в отношении соперников Китая» и предпочитает линию «идти до края, не переходя его», – говорил директор Центра американских исследований Народного университета Китая (Пекин) Ши Иньхун на заседании Европейского центра международных исследований в Берлине 24 марта 2015 г. [21].

В ноябре 2014 г. состоялась конференция ЦК КПК по вопросам внешней политики, в которой участвовали члены правительства, ответственные сотрудники министерств, центрального и регионального партаппарата, работники МИДа и других учреждений, ведающих международными связями Китая. Это была четвертая конференция подобного уровня и масштаба за всю историю КНР (предыдущие состоялись в 1971, 1991, 2006 гг.). Ее проведением руководство КПК указывало кадрам на растущее значение внешней политики для достижения важнейших целей партии и государства.

На конференции с программной речью выступил Си Цзиньпин. Он потребовал добиваться международной поддержки для реализации «китайской мечты», «решительно отстаивать территориальный суверенитет и морские права и интересы, обеспечить возможности и пространство для развития, стремиться к осуществлению глубокой конвергенции и взаимовыгодного сотрудничества» [22, с. 8–9].

По замыслу Си, внешней политике Китая следует стать более искусной и динамичной в достижении стратегических целей, «минимизировать риски и максимизировать выгоды», которые представляет «более сложная и более требовательная среда». Хотя Китай еще остается развивающейся страной, сила и влияние в мировой системе позволяют ему вести внешнюю политику

великой державы. Но это должна быть особая политика – «великодержавная дипломатия с китайскими чертами»³.

Поскольку руководство КНР традиционно выступало против великодержавности, делается упор именно на «китайские черты», противоположные тому содержанию, которое вкладывалось в это понятие в его привычно негативном значении. Подчеркивается, что Китай стремится к отличной от традиционных военно-политических союзов структуре отношений, на основе взаимной заинтересованности и всесторонности, не допускающей сосредоточения на военных аспектах и охватывающей все страны региона. Предложенная Си новая архитектура региональной безопасности и сотрудничества была расценена за границей как прямой вызов американской системе союзов в Азии.

США – главный соперник Китая в Азии, они препятствуют гегемонистским устремлениям Пекина в этом огромном регионе. Однако при этом Пекин стремится избежать прямой конфронтации с США как на региональном, так и особенно на глобальном уровне. В руководстве КНР представляют, что соперничество между Китаем и США неминуемо. Но оно не должно в обозримой перспективе привести к борьбе за лидерство, которое обернется прямой конфронтацией.

Официальную позицию КНР изложил вице-премьер Госсовета Ван Ян на эконоимической конференции в Чикаго в январе 2015 г.: «США – мировой лидер... Китай не имеет ни намерений, ни возможностей оспаривать ведущую роль США». Как разъясняют ученые-международники КНР, необходимо избежать «ловушки Фукидида»⁴. Современные исследователи и теоретики международных отношений используют эту мифологему для описания взаимоотношений между США как гегемоном и Китаем, потенциально претендующим на эту роль.

Си Цзиньпин высказал свое отношение, выступая в Сизтгле в рамках визита в США (сентябрь 2015 г.): «Такой вещи, как “ловушка Фукидида”, не существует, но когда большие государства снова и снова допускают страте-

3. Многозначительный термин появился в прессе КНР еще в первой половине 2013 г. [22, с. 12].

4. Описанная Фукидидом в «Истории Пелопоннесской войны» ситуация, когда Делосский союз (Афины) и Пелопоннесский союз (Спарта) оказались заложниками «ловушки», вызванной ростом Афинского могущества и страхом Спарты перед усилением Афин. По подсчету директора Белферовского центра международных отношений Гарвардского университета Грехэма Аллисона, с 1500 г. война между восходящей державой и гегемоном случалась в 11 случаях из 15 (Allison G. T. *Obama and Xi must think broadly to avoid a Classic Trap* // *New York Times*. 2013. June 6 (<http://www.nytimes.com/2013/06/07/opinion/obama-and-xi-must-think-broadly-to-avoid-a-classic-trap.html>)).

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

гические просчеты, они могут создавать такие ловушки для себя сами». Барак Обама со своей стороны заявил, что не верит в неизбежность войны между Пекином и Вашингтоном: «Соединенные Штаты приветствуют восхождение Китая, являющегося мирным, стабильным, процветающим и ответственным игроком на международной арене»⁵.

По мнению китайских международников, Китаю еще далеко, чтобы оперировать лидерство США. Хотя Китай уже обладает «глобальной экономической мощью», в других компонентах глобального влияния он еще слишком слаб, уточняет Ян Сюэту, руководитель Института современных международных отношений в Университете Цинхуа. США остаются «единственным центром стратегической, военной и политической силы». Помимо того что это самая мощная держава в военном отношении, «вне конкуренции остается американская мягкая сила». США – единственная держава, которая «может предложить модель, влиятельную для других стран» [13, с. 3–4].

Китай «не станет подражать американской стратегии “насилованной экспансии”, которую США применяли в XIX в. в западном полушарии», и потому его возвышение не будет сопряжено с применением силы. Отвергая «теорию системной войны», вытекающую из «ловушки Фукидида», Ян Сюэту поддерживает мнение ветерана китайских международников Чжэн Бицзянь о возможности «мирного возвышения» Китая⁶.

Избегая глобальной конфронтации, Пекин сосредоточивается на борьбе за Азию. В октябре 2013 г. на заседании постоянного комитета Политбюро (высший орган КПК) была провозглашена «политика доброго соседа». По выражению Ян Сюэтуна, лозунгом китайской дипломатии становится: «Великие державы – это ключевой вопрос, а периферии – приоритет».

Глава Школы международных исследований Пекинского университета Ван Цзиси еще в 2012 г. отметил парадоксальное и тревожное явление: «Становясь все более могущественным, Китай чувствует себя все в меньшей безопасности». Китай нуждается в обретении стратегического тыла для своего дальнейшего восхождения как великой державы. А этот тыл могут обеспечить только хорошие отношения с соседями и их благополучие [13, с. 2, 4].

5. «США и Китай идут к войне, но ее еще можно избежать» (РИА Новости). – <http://ria.ru/world/20151018/1304095531.html>

6. Чжэн Бицзянь впервые изложил свою концепцию в Центре стратегических и международных исследований США в декабре 2002 г. (*The 16th National Congress of the Communist Party of China and China's peaceful rise – a new path. Speech by Zheng Bijian at the Center for Strategic and International Studies, Washington DC, 9 December 2002*, mode of access: <http://www.brookings.edu/fp/events/20050616bijianlunch.pdf>).

Однако в этой области у Пекина из-за тяжелого наследия прошлого (Антаяпонская война, вооруженные конфликты с Индией и Вьетнамом) остается немало «скелетов в шкафу». Кроме неухающих многие десятилетия пограничных споров с Индией и ставшего уже традиционным при предшественниках Си противостояния с Японией из-за архипелага Сенкаку, разгораются споры из-за притязаний Китая на освоение акватории Южно-Китайского моря, в которых задетыми выступают Вьетнам, Филиппины, а также Малайзия.

В этих условиях нужен сильный противовес, и он есть в распоряжении руководства КНР в виде огромной экономической мощи, валютных резервов более 3,5 трлн долл. и зависимости стран региона от экономических связей с Китаем. Как отметил заместитель министра иностранных дел КНР Лю Чжэньминь в статье в «Жэньминь жибао» под звучным названием «Мощь Китая способствует стабильности и процветанию в Азии» (28 апреля 2014 г.), торговля Китая со странами Азии превосходит торговый оборот с США и ЕЭС, половина основных торговых партнеров Китая и 70% инвестиций приходится на Азию. Таким образом, «развитие Азии неотделимо от развития Китая, и развитие Китая неотделимо от развития Азии» [13, с. 5].

Соседние страны, по убеждению китайского руководства, должны быть уверены, что выиграют от бурного экономического роста Китая: они должны получать от этого «экономические дивиденды» благодаря в том числе прямой помощи КНР, независимо от своей идеологии и союзнических отношений. Это «стратегия взаимовыгодного партнерства», а в перспективе – создание вокруг Китая «ассоциации стран общей судьбы», по замыслу и терминологии Си Цзиньпина [13, с. 2, 4].

Провозглашенные Си Цзиньпином проекты Шёлкового пути и аналогичных каналов широких международных связей Китая являются развитием курса добрососедских отношений. Сразу после прихода Си к руководству им были выдвинуты проекты «Шёлкового пути – экономического пояса с Центральной Азией» и «Морского шёлкового пути» в Юго-Восточную Азию. Проекты «шёлковых путей» (определения которых менялись), объединяемые ныне в китайской прессе общим термином «единый пояс, один путь», безусловно, важнейшая инициатива внешнеполитического курса Си Цзиньпина.

Концепция совокупного Проекта, как его понимают в стране, соответствует изменению в самоидентификации Китая от «просто восточноазиатской страны» к «важнейшей державе на Евразийском континенте» [26]. Это именно панконтинентальный проект. По подсчетам китайских экспертов, проект должен охватить страны с населением более 4 млрд и ВВП около 21 трлн долл., т.е. 65% населения и 30% мировой экономики [23, с. 3].

Соединяя Китай с Центральной Азией, Россией и Европой (через Балтику), «Экономический пояс Шёлкового пути», как гласит одобренный Госсоветом КНР документ, связывает «динамичный Восточно-Азиатский регион с развитой экономикой Европы и включает страны с огромным потенциалом экономического развития». А через Центральную и Западную Азию Китай «соединяется с Персидским заливом и Средиземным морем».

«Морской Шёлковый путь 21 века» должен вести из Китая в Европу через Южно-Китайское море и Индийский океан, а также через Южно-Китайское море – в южную часть Тихого океана. К этому двуединому проекту в качестве дополнения предполагалось создание нескольких сухопутных «экономических коридоров» в сторону Пакистана и Индии [24].

Проект Шёлкового пути рассматривается в этом и других официальных документах в контексте интеграции мировой экономики, равно как развития межкультурных связей и человеческого общения на благо всей цивилизации. Более того, Пекин крайне озабочен, чтобы проект не выглядел выражением исключительно китайской заинтересованности. Это «не зона исключительных интересов Китая», уточняла «Жэньминь жибао», а «совместное предприятие всех заинтересованных стран», «зона общих интересов» [23, с. 7].

Как заверял Си Цзиньпин, «Китай будет следовать принципу широких консультаций, совместного вклада и общей выгоды. Программы развития будут открытыми и инклюзивными, а не эксклюзивными. Это будет настоящим хором с участием всех стран, расположенных на данных путях, а не соло Китая». Существующие механизмы или проекты регионального сотрудничества не будут упразднены, а, напротив, будут поддерживаться Китаем [25].

Директор Центра Азиатско-Тихоокеанских и глобальных стратегических исследований Китайской академии общественных наук Ли Сян'юан отметил военно-стратегические аспекты Проекта. Обеспечить безопасность транспортных путей, особенно морских: борьба с пиратством, спасательные операции, применение международного права. Усилить региональное сотрудничество в борьбе с терроризмом. Создать механизм для разрешения территориальных споров и совместной эксплуатации морских ресурсов при их неразрешенности [23, с. 8–9].

Однако упор делается именно на экономические вопросы, на сотрудничество в целях общего развития, на массивные инвестиции Китая в инфраструктуру присоединившихся стран. По выражению посла КНР в Лондоне, Проект – это предложение использовать «китайский экономический экспресс» на «благо всего мира» [17]. И оно видится энтузиастам в КНР распространением модели развития Китая по всему миру: «Железные и автомобильные дороги, порты и аэропорты имели решающее значение в экономическом успехе Китая. Китай теперь хочет, чтобы и его соседи применили эту стратегию роста» [23, с. 8].

Для амбициозных геополитических целей Пекин намерен широко действовать «геоэкономические инструменты» в виде создания международных финансовых институтов под эгидой Китая, займов и инвестиций. Центральное место в этой политике занимает учреждение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций с заявленным уставным капиталом в 100 млрд долл. Пекину удалось привлечь к участию более полусотни стран Азии и Европы, включая непосредственных союзников США. А в число стран-учредителей, наряду с Китаем и Россией, вошла Индия (с распределением голосов соответственно вложенным средствам – 26,06, 5,92 и 7,5). Уже одобрен первый пакт инвестиций на сумму 509 млн долл.⁷

Это «не инструмент геополитики», нельзя рассматривать его с точки зрения «устаревшей ментальности холодной войны», – заявил министр иностранных дел КНР Ван И, противопоставив проект, узловым моментом которого стало создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, плану Маршалла. В прессе КНР подчеркивается, что план Маршалла был политически обусловленным и исключал социалистические страны, тогда как проект приветствует присоединение всех стран, «не спрашивая, чьи они союзники, какова их религия, каких политических доктрин они придерживаются и каковы были в прошлом их отношения с Китаем». К тому же проект носит долгосрочный характер, тогда как план Маршалла действовал только четыре года. Проектом Китай «решил создать прецедент мирного возвышения великой державы» [23, с. 11–12].

Проект сулит полное изменение глобального геополитического ландшафта. Он не только ослабляет значение военно-морского превосходства США, но и знаменует переход гегемонии в мире от морских держав к континентальным силам. Таким образом, его реализация может стать актом всемирно-исторического значения, поворотным пунктом в развитии мировой цивилизации со времени Великих географических открытий.

Перспективным видится и обратное воздействие реализации внешнеполитических инициатив китайского руководства на экономику и внутриполитическую ситуацию в стране. Несомненно, активная внешняя политика, преследующая цель выдвигения Китая в ранг мировых держав, импонирует значительной части китайского общества, укрепляя позиции Си Цзиньпина.

Для экономики эти инициативы означают дальнейшее открытие миру с вовлечением в экономические связи континентальных регионов Китая. Планируемое привлечение к инфраструктурным проектам частного капитала открывает широкую дорогу для его экспансии и смягчит остроту проблемы внутренних инвестиций. В целом есть вероятность, что активная внешняя

7. Объем вклада стран-учредителей: Китай – 29,78 млрд долл., Индия – 8,37, Россия – 6,54 (<http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/01/16/624237-v-pekinge>).

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

политика при унаследованном от Дэн Сяопина политическом прагматизме может стать инструментом углубления экономических реформ, как и было определено пленумом ЦК КПК в ноябре 2013 г.

Литература

1. Вопросы и ответы о 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва. – <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/sbjszqh/t11.112348.htm>. Date 2013/12/27
2. Гордон А.В. Деревня и город Китая в условиях дезинтегрированного роста // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Вып. 10. – М., 2015. – С. 36–56.
3. Гордон А.В. Китай: Растущие проблемы. Обзор специального выпуска журнала Американской академии «Дедал». – М.: ИНИОН, 2015. – 39 с. (Специализированная информация).
4. Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2013. – 240 с.
5. Тавровский Ю.В. «Один пояс, один путь»: Как его защитить? // НГ. – 2015. – 16 окт. – <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/8974/>
6. Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. – М.: Эксмо, 2015. – 272 с.
7. Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика. – М.: Весь мир, 2016. – 304 с.
8. Blackwill R.D., Campbell K.D. Xi Jinping on the global stage: Chinese foreign policy under a powerful but exposed leader. – N.Y.: Council on foreign relations inc., 2016. – XI, 67 p. (Council special report. N 74). – <http://www.cfr.org/publication/allreports.html>
9. Davis D.S. Demographic challenges for a rising China // *Daedalus*. – Cambridge, Mass. – 2014. – Vol. 143, N 2. – P. 26–38.
10. Deep China: The moral life of the person – Beverley Hills: Univ. of California press, 2011. – 322 p.
11. Economy E. Environmental governance in China: State control to crisis management // *Daedalus*. – Cambridge, Mass. – 2014. – Vol. 143, N 2. – P. 184–197.
12. Eggleston K., Oi J., Rozelle S., Sun Ang, Walder A., Zhou Xueguang. Will demographic change slow China's rise? // *J. of Asian studies*. – Ann Arbor, 2013. – Vol. 73, N 3. – P. 505–518.
13. Explaining China's foreign policy reset // *China analysis (special issue)*. S. 1, 2015. – 7 p. – www.ecfr.eu/.../chinaanalysiseng_special_issue_1
14. Gallagher M.E. China's Workers movement and the end of the rapid-growth era // *Daedalus*. – Cambridge, Mass. – 2014. – Vol. 143, N 2. – P. 81–95.
15. Increasingly difficult for rural men find woman // *Chinasmack*. 2015. March 15. – <http://www.chinasmack.com/2015/stories/increasingly-difficult-for-rural-chinese-men-to-find-wives.html>
16. Kirby W.C. The Chinese Century? The challenges of higher education // *Daedalus*. – Cambridge, Mass. – 2014. – Vol. 143, N 2. – P. 145–156.
17. Liu Xiaoming. New Silk Road is an opportunity not a threat // *Financial times*. – 2015. May 24. – <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/c8f58a7c-ffd6-11e4-bc30-00144feabd0.html#axzz3bH6GePCA>
18. Lora-Weinright A. An anthropology of «cancer villages» // *J. of contemporary China*. – Abingdon, 2010. – Vol. 19, N 63. – P. 79–99.
19. Naughton B. China's economy: Complacency, crisis a. the challenge of reform // *Daedalus*. – Cambridge, Mass. – 2014. – Vol. 143, N 2. – P. 14–25.
20. Pan Jiahua. China's environmental governing and ecological civilization. – Beijing: China social sciences press/Springer, 2016. – XIII, 228 p.

21. Shi Yinhong. China's complicated foreign policy. – Berlin, 2015. – n. p. (European council on foreign relations). – http://www.ecfr.eu/article/commentary_chinas_complicated_foreign_policy_311562

22. Swaine M. Xi Jinping's address to the Central conference on work relating to foreign affairs: Assessing and advancing major power diplomacy with Chinese characteristics // P. I: Hoover institution, 2015. – 19 p. (China leadership monitor. N 46). – http://www.carnegieendowment.org/files/Michael_Swaine_CLM_46.pdf

23. Swaine M.D. Chinese views and commentary on the «One belt, one road» initiative. – P. 2: Hoover institution, 2015. – 24 p. (China leadership monitor. N. 47). – www.hoover.org/sites/default/files/.../clm47ms.pdf

24. Vision and actions on jointly building Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road / National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, Ministry of Commerce of the People's Republic of China. – Beijing. March 2015. – http://en.ndrc.gov.cn/news-release/201503/t20150330_669367.html

25. Xi Jinping. Towards a Community of Common Destiny and a new future for Asia (speech Boao forum for Asia annual conference, March 28, 2015). – http://news.xinhuanet.com/english/2015-03/29/c_134106145.htm

26. Xue Li, Xu Yanzhuo, China needs great power diplomacy in Asia // Financial times. – 2015. Feb. 9. – <http://www.ftchinese.com/story/001060539>